

УДК 821.111–3.09(045)

**ELOI, ELOI, LAMA SAVASHTHANI? – ИЛИ ЖЕРТВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В РОМАНЕ ПЭТ БАРКЕР «ДОРОГА ПРИЗРАКОВ»:
ИСТОРИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, САКРАЛЬНОСТЬ**

*канд. филол. наук, доц. М.С. РОГАЧЕВСКАЯ
(Минский государственный лингвистический университет)*

Проводится анализ романа современной британской писательницы Пэт Баркер «Дорога призраков» с применением методологии психоаналитической и рецептивной критики. Обосновывается недостаточность культурно-исторического метода для адекватного понимания идейного посыла романа. В основе проводимого анализа – архетипический образ Отца, приносящего в жертву своего сына, который реализован в произведении в качестве ведущего мотива и подкреплен исторически достоверными документами и библейскими аллюзиями. Применен подход З. Фрейда в трактовке цивилизации как эквивалента индивидуального сознания, раскрыта подсознательная мотивация в действиях правительств во время Первой мировой войны и проанализирован параллелизм в образах двух цивилизаций, представленных в сюжетной канве романа, – европейской и меланезийской. Делается вывод о глубоких подсознательных корнях поведенческих моделей отцов в любом обществе, независимо от уровня развития цивилизации, бессмысленными жертвами которой во время войны становятся собственные сыновья, и нарушаются гендерные роли.

Введение. Слова Христа, вошедшие в заголовок данного исследования, – «Элои! Элои! Лама савахфани» – «Боже мой! Боже мой! для чего ты меня оставил?»¹ (на арамейском) – стали вечным символом крика души высочайшей степени отчаяния. Что может сравниться с чувством, что ты покинут своим отцом? И если сакральный смысл библейского свидетельства слов Христа познается в контексте веры и философии страдания и искупления, то земная, человеческая суть этих слов проходит свои исторические и психологические вехи. Такой вехой в мировой истории, когда сакральный смысл оказывается погребенным под громадой бессмысленности миллионов смертей, стала Первая мировая война. Для Великобритании ее роковая роль была большей, в сравнении даже с Второй мировой, что и заставляет писателей вновь и вновь возвращаться к ее истокам, масштабности и влиянию на дальнейшее развитие культуры.

Основная часть. Роман Пэт Баркер, самобытной английской писательницы, «Дорога призраков» («The Ghost Road», 1995) из трилогии «Возрождение», завоевавший Букеровскую премию, – произведение о войне и не о войне одновременно. Его можно рассмотреть как многоуровневое повествование, не поддающееся толкованию в русле единого метода. Взаимоотношение «автор – традиция», будучи крайне значимым для культурно-исторического подхода, не укладывается в данном случае в рамки указанной методологии с таким набором ключевых понятий, как *цивилизация, среда, момент, характер народа*. Для этого автора следовало бы поставить «под контроль истории в ее временном или социальном выражении» [1, с. 47]. Но Пэт Баркер изображает конечный этап Первой мировой войны не только и не столько как исторический момент, под воздействием которого могли бы складываться характеры персонажей, а скорее как извечный архетипический сюжет: отец жертвует сына ради высшей цели, всеобщего блага.

Еще в первом романе трилогии «Возрождение» Баркер закладывает основу для такого понимания: глубоко травмированный 21-летний капитан Бернс в разговоре с психиатром задает ошеломляющий вопрос²:

– *Вы знаете, от чего умер Христос?*

Риверс был удивлен, но ответил с готовностью:

– *Удушье. В конечном итоге такое положение тела делает невозможным поступление воздуха в легкие. Ужасная смерть.*

– *Вот именно это мне и кажется страшным. Кто-то ведь должен был помыслить такую смерть. Помните эту фразу из Библии? «...помышление сердца человеческого – зло от юности его?»³ [2, р. 183].*

Библейское слово *помышление*, передаваемое в английском варианте Библии как *воображение (imagination)*, устанавливает «ограничения» в интерпретации войны как чисто исторического, социально обусловленного события, имеющего объективные причины. Воспринимающее сознание переключается на концепт *воображения*, который заставляет переосмыслить понятие *цивилизации*.

«Дорога призраков» повествует о возвращении на фронт британского лейтенанта Билли Прайора, формально излечившегося от так называемого в то время квази-неврологического острого психического состояния, или «shell shock». Термин так и не нашел адекватного перевода на русский язык, но зачастую

¹ Евангелие от Матфея 27:46; Евангелие от Марка 15:34.

² Здесь и далее перевод цитат из романа наш. – М. Р.

³ Бытие 8:21.

передается описательно как «нервное истощение в боевых условиях». Но сознание и бывшего пациента Прайора, и психотерапевта доктора Риверса трансформировано. Билли больше не заботят выживание, здоровье и безопасность. Он идет на осознанную гибель в последней битве на западном фронте всего за несколько дней до Компьенского перемирия. Доктор Риверс начинает остро осознавать свою роль Авраама, приносящего сыновей в жертву. Однако сущность жертвоприношения переосмыслена в контексте трагической иронии развития любой цивилизации. Чтобы насытить эту основополагающую идею романа документальной и образной убедительностью, автор прибегает к параллелизму. Воспоминания доктора Риверса об антропологической экспедиции в Меланезию, в условия почти первобытнообщинного строя, перемежаются с описаниями военного времени в Европейском цивилизованном обществе. Оказывается, что оба строя движимы не чем иным, как *воображением*, жадной власти и традицией отцов приносить в жертву своих сыновей.

Суть развития любой цивилизации глубинно проанализирована З. Фрейдом в его работе «Недовольство культурой» (1930)⁴. В частности, он постулирует следующее: одна из сил, угрожающая нам страданиями, это «внешний мир, который готов наброситься на нас с ошеломляющей и беспощадной разрушительной силой» [3, р. 24]. Главное же трагическое заблуждение культурно-исторического сознания состоит в том – и это мастерски заложено в идейный смысл романа П. Баркер, – что мы воспринимаем этот внешний мир лишь как объективную реальность, поддающуюся процессу рационализации. Нежелание же признать факт имаго Отца в качестве разрушающего агента передано в произведении через «заговор молчания». Так, в европейском цивилизованном обществе травмированные войной, по заключению психиатров [4], не говорят о пережитом. Этот опыт – своего рода психическое табу, он «ненаратабелен». Табуированными в дискурсе являются также сексуальное, политическое и сакральное. Эти концепты способны вызвать чувство неполноценности, вины, страха и стыда. Особое место в «ненаратабельности» занимает военная травма. Так, герои романа «Дорога призраков» отказываются воспроизводить шокирующие, травматические, крайне болезненные для сознания эпизоды их военной истории. Цель же психоаналитического сеанса – вывести их из состояния молчания, заставить вновь пережить травматический опыт, чтобы осознать и не бояться его. Аналогичным образом подобный «заговор молчания» царит и в «примитивном» меланезийском сообществе. Доктор Риверс делает вывод: *Язык интроспекции был еще просто недоступен* [5, р. 132]. Табуированными оказываются, помимо духов, подробности «охоты за головами», т.е. войны. Обряд «охоты за головами» на Соломоновых островах заключается в том, что воины племени после смерти своего вождя нападают на соседние племена с других островов и увозят с собой мальчиков. И в то время как Риверс мог легко перечислить все табуированные темы на острове Эддистон, *в его собственном обществе, как оказалось, табу претерпели значительные изменения за последнее время. Теперь гораздо проще было попросить человека рассказать о своей личной жизни, чем узнать, какие у него жизненные убеждения* [5, р. 225].

Объяснимо, что с критическим упадком рождаемости в Меланезии война – это жизнь, это развлечение, это надежда и смысл будущего. Одновременно в романном настоящем перед глазами доктора Риверса проходят безногие, безрукие, изувеченные тела молодых людей его страны. Такой параллелизм отзывается горькой иронией: те, кого британцы, считая варварами, «обращают» с помощью своих миссионеров в «цивилизованных» людей, используют войну как способ увеличить население собственного племени. Британских же юношей посылают на фронт по причине, которая в устах прозревших солдат звучит обвинительной речью всей цивилизации: *«не осталось абсолютно никакого разумного объяснения. Она [война] стала системой, стремящейся к самосохранению»* [5, р. 144].

В качестве инструмента такого самосохранения войны как системы цивилизация использует жертвоприношение, образ которого П. Баркер делает сквозным мотивом романа. Обряд жертвоприношения на одном из меланезийских островов заключается в том, что незаконнорожденного ребенка мужского пола воспитывает один из старейшин как своего сына. Но при достижении им совершеннолетия на жертвенном камне под видом заклания свиньи (ценное животное, численностью которого измеряется благополучие племени) приемный отец дубинкой разбивает юноше череп. Этот эпизод всплывает в романе как раз в тот момент, когда доктор Риверс вспоминает оконную мозаику в церкви своего отца-священника: *... Авраам с занесенным ножом, готовый ударить своего сына, а внизу под этими человеческими фигурами – баран, запутавшийся рогами в зарослях. Эти два сюжета представляли разницу между дикарством и цивилизацией, потому что во втором изображении голос Бога вот-вот должен возвестить запрет на жертвоприношения и будет услышан* [5, р. 104]. Снова напрашивается параллелизм: отцы меланезийского племени приносят в жертву чужих, незаконнорожденных, преследуя, по-видимому, некий неписанный закон духовной морали. Отцы одной из высококультурных наций гордо жертвуют плоть от плоти своей, уподобляясь якобы картине мира, сотворенной Новым Заветом: высокая жертва Бога-Отца.

⁴ Мы опираемся на собственный перевод на русский язык цитат из трактата З. Фрейда на английском языке («Civilization and Its Discontents», 1930) ввиду неточностей и неадекватности существующего русскоязычного варианта.

Высказывание З. Фрейда как нельзя лучше проливает свет на психологию цивилизации как эквивалента индивидуального сознания, далеко не всегда мотивированного осмысленными побуждениями: «То, что начиналось в отношении отца, завершается в отношении группы» [3, р. 80]. СобираТЕЛЬНЫЙ образ отцов юношей, ушедших на фронт Первой мировой, насыщен такими психологическими характеристиками, как псевдопатриотизм и деспотическое эмоциональное насилие. Реплика, как бы невзначай брошенная Билли Прайром: *Мой отец, он крепко верил в войну* [2, р. 171], – точно характеризует этот коллективный образ Отца, который, даже физически отсутствуя в описываемых событиях, порождает в психике сыновей разрушительные чувства стыда и вины. В результате, любовь к биологическому отцу, который свято верит в войну, перерождается во внутренний конфликт: солдат и ненавидит эту бессмысленную войну, и подсознательно привязывается к ней, поскольку она символизирует авторитет Отца. Доказательство тому – приоткрытый мир внутренних переживаний Билли Прайора: *Если бы они не отправили его обратно [на фронт], он чувствовал бы себя бесконечно одиноким, затерялся бы среди гражданских с их краснбайством* [5, р. 13].

Стремление любой ценой попасть на фронт, даже осознавая цинизм политики войны, – психологический мотив, продиктованный ценностным ориентиром на абсолютную мужественность: *Мужчины сражаются* [6, р. 111], – говорит один из героев в романе «Глазок в двери» (1995). Даже изображенные П. Баркер женские образы – жертвы этого императива. Проститутка Лиззи почитает за честь обслужить военного, и она *была бы сильно разочарована, если бы узнала, что пятеро из семи [ее клиентов] никогда не призывались* [5, р. 36]. Вдобавок, как пишет о ситуации военного времени К. Кушман, «Традиционные гендерные роли ниспровергнуты, потому что мужчины ушли сражаться» [7, р. 29]. Такое состояние массовой психологии можно прокомментировать с помощью выводов интересного психоаналитического исследования Д. Шикерски о характере военных неврозов: нет никакой разницы между двумя ситуациями – «быть мобилизованным в числе миллионов, брошенных на смерть в окопах, или [...] быть демобилизованным и выброшенным назад в общество» [8, р. 974]. Поэтому, как намекает заглавие романа, нет никакой разницы между живыми и призраками: *Призраки везде. Даже живые были призраками, только в процессе создания* [5, р. 46].

Культурно-историческая перспектива снова оказывается недостаточной для адекватного понимания той глубинной импликации, заложенной в коротких, но удивительно емких репликах, каковыми их делает особое размещение посреди важных сцен повествования. Так, осознание несостоятельности идеала мужественности приходит к главному герою романа «Дорога призраков», словно инсайт: *Впервые меня осенило, что работа Риверса требует мужества* [5, р. 200].

Жертвами цивилизации, в которой доминируют жесткие идеалы мужественности, становятся и женские персонажи. *Слишком много вдов. Слишком много матерей, которые хотят вступить в потусторонний контакт со своими утраченными сыновьями* [5, р. 77], – так писательница рационализирует по поводу заполонивших гражданскую жизнь Англии спиритических сеансов, на которых женщины отчаянно ищут контакта с духами в свободное от работы на военных предприятиях время. Общество, взращенное на достижениях науки и техники, способной уничтожать целые города, вызывает к миру духов. Меланезийские духи и здесь напоминают о том, что уровень развития цивилизации не имеет значения, если в силу вступает не поддающаяся научной оценке боль человеческого сердца.

И вместе с вездесущностью призраков текст романа переполнен «пафосом телесности». При этом Баркер не только и не столько использует шокирующий натурализм для усиления эффекта психологизма, но использует принцип телесности как метафору. Изображенные в романе психосоматические травмы в основном связаны с функциями речи: потеря способности говорить, заикание, проблемы с дыханием, затрудняющие речевое общение. Одновременно проходят психоаналитические сеансы по восстановлению памяти и формированию ее вербального функционирования. Таким образом, роман подчеркивает утрату способности коммуникации между людьми во время войны.

Взгляд на цивилизацию как на извращение высокой сакральной идеи о жертвовании Богом-Отцом Его единственного сына во имя искупления грехов человечества выражен в крохотном образе, всплывающем в памяти врача-спасителя человеческих душ доктора Риверса: *Распятое [...] Под ним [...] – Авраам приносит в жертву своего сына [...]: две кровавых соелки, на которых претендует быть основанной цивилизация* [2, р. 149]. Роман Пэт Баркер о войне как архетипе жертвоприношения звучит немалым вопросом: где же тот ангел, который остановит Авраама и который, как в стихотворении Иосифа Бродского, произнесет отцам, жаждущим войны:

*Твой мозг сейчас, как туча, застит мрак.
Открой глаза – здесь смерти нет в помине.
Здесь каждый куст – взгляни – стоит, как знак
стремленья вверх среди равнин пустыни* [9, с. 52].

Заключение. Роман «Дорога призраков» – сложное многоуровневое произведение, изображающее историческое событие в тесной связи с образами коллективного бессознательного. При интерпретации романа невозможно ограничиться культурно-историческим методом ввиду опоры автора на образы Ветхого и Нового Заветов. Мы приходим к выводу, что главным идейным посылом всего произведения является переоценка жертв европейской цивилизации во время Первой мировой войны и отказ от прогрессистского мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко, В.Г. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 280 с.
2. Barker, P. *Regeneration* / P. Barker. – New York: Plume, 1993. – 252 p.
3. Freud, S. *Civilisation and Its Discontents* / S. Freud / ed. and trans. by James Strachey. – New York: W.W. Norton, 1961. – 127 p.
4. Rosental, G. German war memories: narratability and the biographical and social functions of remembering / G. Rosental // *Autobiography: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* / Ed. Trev Lynn Broughton. – London and New York: Routledge. – Vol. 3. IX. – P. 208 – 232.
5. Barker, P. *The Ghost Road* / P. Barker. – New York: Plume, 1996. – 278 p.
6. Barker, P. *The Eye in the Door* / P. Barker. – New York: Plume, 1995. – 280 p.
7. Cushman, K. *The Achievement of England, My England and Other Stories* / K. Cushman // D.H. Lawrence. *The Man Who Lived* / ed. R.B. Partlow, Jr.; H.T. Moore. – Southern Illinois: University Press, 1980. – P. 27 – 39.
8. Szykierski, D. The Traumatic Roots of Containment: The Evolution of Bion's Metapsychology / D. Szykierski // *The Psychoanalytic Quarterly*. LXXIX: 4, 2010. – P. 935 – 968.
9. Бродский, И. Остановка в пустыне: Стихотворения, поэмы / И. Бродский. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.

Поступила 14.06.2013

ELOI, ELOI, LAMA SABACHTHANI? – OR THE VICTIMS OF CIVILISATION IN PAT BARKER'S NOVEL *THE GHOST ROAD*: HISTORY, PSYCHOLOGY, AND THE SACRED

M. RAGACHEWSKAYA

The article presets an analysis of "The Ghost Road", the novel by a contemporary British writer Pat Barker, which is carried out with the application of the methodology of the psychoanalytic and reader-response criticism. The use of the cultural-historical approach for adequate understanding of the novel's message is viewed as insufficient. The analysis of the novel is based on the archetypal image of the Father sacrificing his son, which functions in the text as a leading motif and is substantiated with historically reliable documentary proof and Biblical allusions. S. Freud's view of civilization as an equivalent of an individual consciousness helps to reveal an unconscious motivation in the actions of the governments during World War I and to compare parallel images of two civilizations – the European and Melanesian as represented in the novel's plot structure. We come to the conclusion about profound subconscious roots in behavioral patterns of fathers in any society, regardless of the civilization's level of development, as well as about the senselessness of victimization of our own sons in the war and reversal of gender roles.